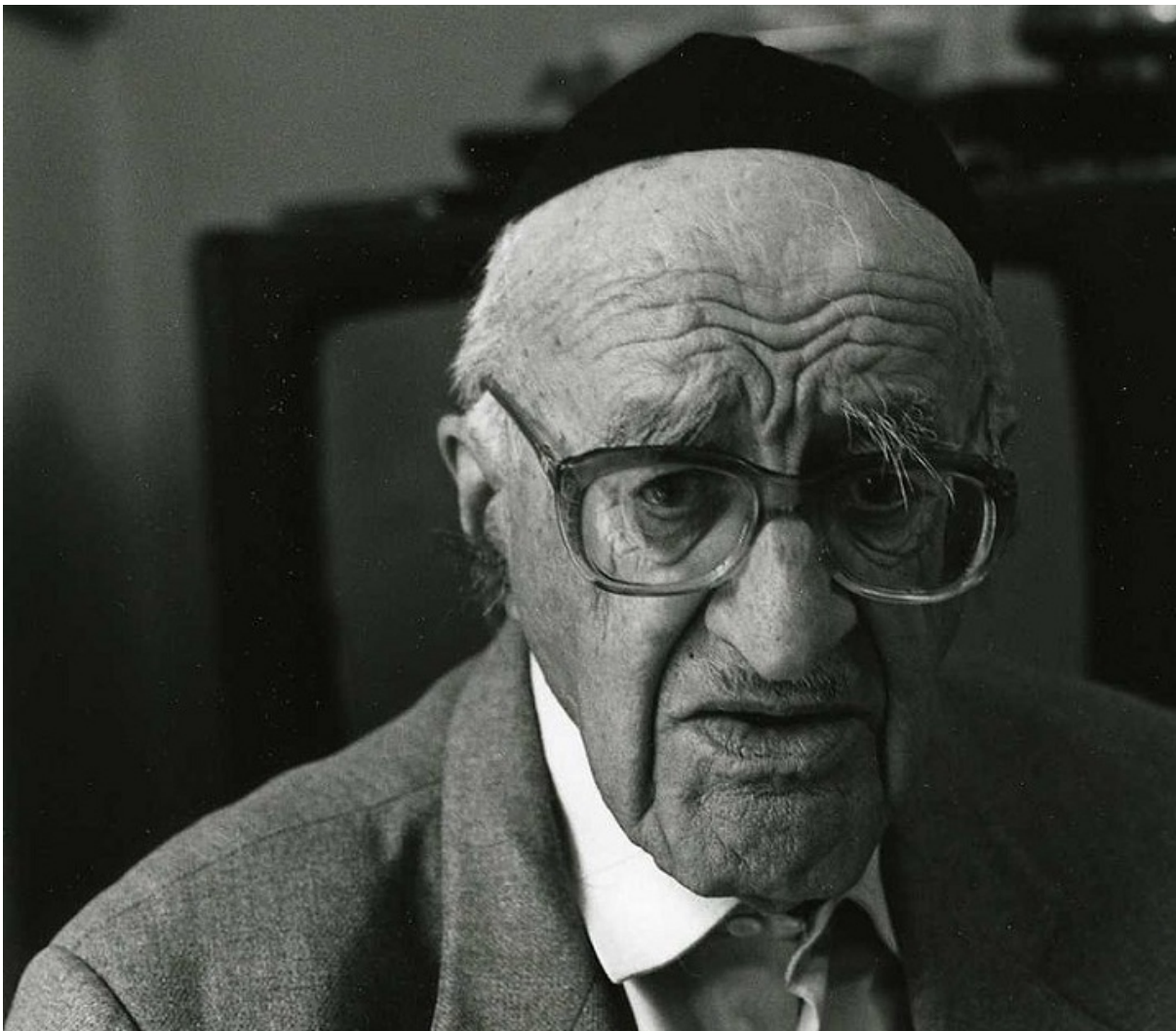

Йешаяху Лейбович: смелый мыслитель или провокатор?

Профессор Йешаяху Лейбович

Профессор Йешаяху Лейбович был интеллектуалом, любившим всех злить: он требовал одностороннего ухода из Иудеи и Самарии, происходящее около Стены плача считал идолопоклонством и проповедовал религиозные убеждения, свободные от каких-либо личных интересов. Его экстремистские высказывания привлекали общественное внимание, но вынудили профессора отказаться от Премии Израиля.

Интеллектуал в центре противоречий

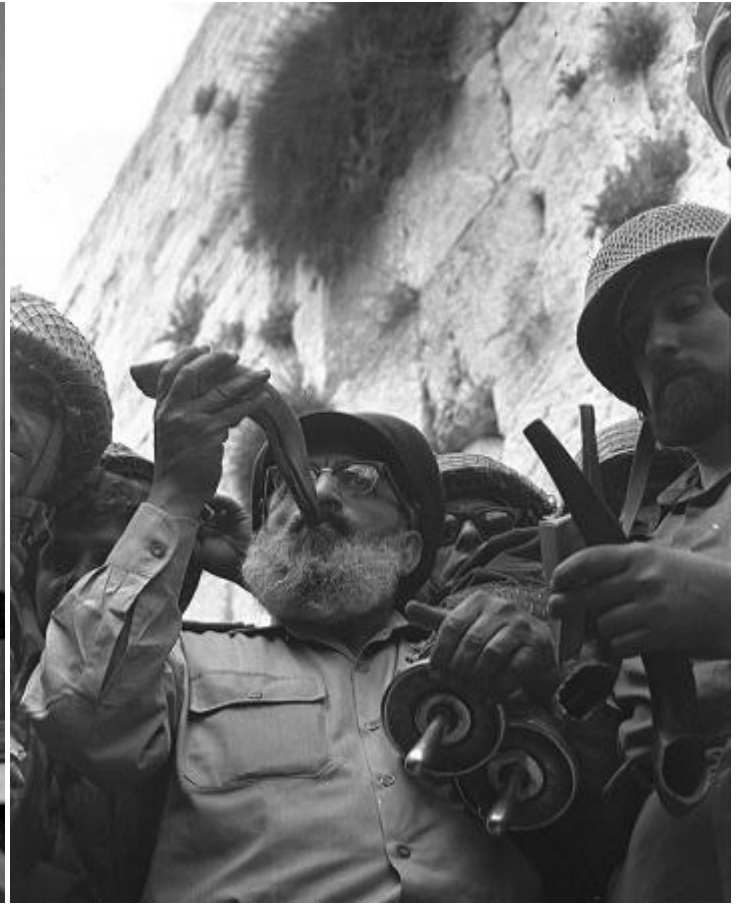
По отношению к профессору Лейбовича определение «спорный» — недопустимое преуменьшение. Профессор химии из иерусалимского квартала Рехавия, уже в пятьдесят выглядевший стариком, был Великим Провокатором израильского общества, особенно после Шестидневной войны. Ни один студент-анархист не провоцировал таких скандалов. Студенческая газета Еврейского университета с момента ее создания называется «Уста ослицы» — потому что Лейбович говорил, что «если вы привяжете осла к забору университета на три года, он в итоге получит степень бакалавра».

Лейбович получил известность благодаря двум упорным сражениям, которые вел. Первое — за уход Государства Израиль с территорий, оккупированных во время Шестидневной войны. (По его мнению, власть над не имеющими гражданства палестинцами представляет собой этическую и демографическую проблему. Профессор полагал, что Израиль должен уйти из Иудеи и Самарии в одностороннем порядке, не ожидая мирного договора, в который, впрочем, не верил). Второе сражение он вел за отделение религии от государства, объясняя это тем, что на данный момент «религия является наложницей государства».

В этих битвах он не брезговал самыми резкими выражениями: Стену плача, освобождение которой вселило огромный энтузиазм даже в атеистов, он называл «дискотель» (не священным местом, а дискотекой — из-за суетных празднеств, проводимых там; Котель — Стена плача, ивр.). Раввина Шломо Горена, чей образ с шофаром у Стены стал одним из символов войны, Лейбович называл «паяцем, трубящим в шофар». Премьер-министр Голда Меир, отказавшаяся вести переговоры с Садатом о компромиссе, который мог бы предотвратить войну Судного дня, оставалась для него «старой каргой» (хотя была всего на пять лет старше Лейбовича). И, конечно же, апофеозом стало выражение «иудеонацисты» — так профессор назвал солдат ЦАХАЛа, вынужденных контролировать палестинское население.

Голда Меир

*Раввин Шломо Горен трубит в шофар у
Стены плача*

Это слово лишило Лейбовича Премии Израиля в 1993 году. Когда профессора признали достойным самой престижной награды страны, общество было потрясено, а премьер-министр Ицхак Рабин, возглавлявший Генштаб в период Шестидневной войны, объявил, что если награду вручат Лейбовичу, он не придет на церемонию. Через несколько дней лауреат отказался от премии, и Израиль избежал бойкота церемонии премьер-министром.

Вызов религиозному богословию

В отличие от большинства интеллектуалов, Лейбович не ограничивался газетными статьями или подписыванием петиций. Известность ему принесли публичные выступления, где он устраивал своим зрителям шоу — «Ужасы Лейбовича». Сгорбленный, похожий на колдуна из братьев Гримм, старик. Он говорит тихо, а затем внезапно голос повышается, и он стреляет в зал одной из своих любимых фраз. И зрители тают, будто слышат эту фразу впервые.

Публика валила толпами, как на бенефис прославленного актера. Он и впрямь был хорошим актером. Обычно Лейбович был последним выступающим — организаторы знали, что только так они смогут удержать аудиторию до конца и, выходя на сцену, он не подводил. Надо отдать ему должное, даже в преклонном возрасте он всегда отвечал на просьбы выступить в самом отдаленном уголке страны. Часто он просто принимал людей, которые хотели услышать его мнение по той или иной проблеме. После смерти профессора была издана подборка писем, в которых он отвечал на различные вопросы, словно «гуру», который знает на всё правильный ответ. Символично, что свои последние часы на этом свете 91-летний профессор провел в богословском споре со студентом иешивы, которого встретил на улице.

Помимо политических провокаций, Лейбович особенно возмущал национально-религиозный лагерь своей теологией. Надо сказать, что в 1950-е годы он кардинально изменил свою религиозную концепцию.

Профессор со своими студентами, 1961

До создания государства и в первое десятилетие его существования Лейбович был сторонником Государства Галахи. Правда, он считал, что Галаха должна адаптироваться к переходу от норм еврейской общины к законам суверенного государства, которое заботится обо всех аспектах жизнедеятельности. Для него это означало, например, разрешение на все, что суверенное государство должно делать в субботу — военную и полицейскую деятельность, а также гражданскую деятельность министерства иностранных дел — и без патентов диаспоры «шабес гой» или электронных решений института «Цомет».

Позже он бросился в другую крайность, и этот переворот упорно отрицал всю жизнь. Теперь речь шла не только о полном отделении религии от государства, включая неучастие властей в финансировании культовых мероприятий и религиозных учебных заведений (чего не требуют даже секулярные экстремисты), но и о концепции, противопоставляющей религиозную веру любым человеческим ценностям. По его мнению, если человек ожидает, что Всевышний исцелит близкого ему человека, или обеспечит ему материальный достаток, то это идолопоклонство. Всевышнему надо поклоняться из чувства долга, а не для удовлетворения какого-либо личного интереса. Лейбович также противопоставлял религию нравственности, утверждая, что самым замечательным выражением веры было согласие Авраама принести в жертву сына, поскольку этим он доказал, что религия превосходит человеческую этическую ценность, в том числе любовь отца к своему сыну.

Тяжелые ответы

Что осталось от всего этого? Профессор Ави Саги из Университета Бар-Илан, который был очень близок к профессору в разные периоды его жизни, говорит, что «Лейбович — это исчезающий образ. Молодые ученые больше не хотят писать о нем, — в первую очередь, потому что его популярность базировалась на ответах на конкретные вопросы, возникающие в публичном дискурсе.

Люди осознали, что позиции, представляемые им как безошибочная истина, вовсе не являются философски необходимыми и не выдерживают испытания подлинной еврейской традицией. Он пытался убедить людей принять крайнюю модель из «Морэ невухим», в которую даже сам Маймонид не очень верил. Согласно Лейбовичу, истинная вера требует, чтобы человек стоял перед Господом только с чувством долга. Не просите Его ни о чем и не чувствуйте к Нему ничего, ибо все другое — «идолопоклонство». Эта доктрина не является философски необходимой и не соответствует еврейскому этосу. Евреи обращаются к Богу во втором лице, и даже люди, чей Бог абсолютно абстрактен, могут чувствовать «святой трепет» во время молитвы, «беседуя» и надеясь на ответ. Модель Лейбовича на самом деле является резкой радикализацией протестантской религиозной модели».

Рав Илай Офран — раввин кибуца Явне и глава предармейских подготовительных курсов, — внук Лейбовича, был в седьмом классе, когда умер дедушка (в августе 1994 года). «Я прочитал его книги после его смерти. И, честно говоря, в семейных воспоминаниях бабушка Грета является гораздо более доминирующей фигурой, чем дедушка».

Профессор Ави Саги

Рав Илай Офран

Тем не менее, о наследии деда р. Офран говорит: «Самый важный пункт для понимания дедушки — это четкое различие, которое он делает между «интересами» и «ценностями». Это центральная ось всех его идей. Для него интерес — это все, что нужно для удовлетворения своих потребностей, в то время как ценность — это способность делать что-то по собственному, абсолютно свободному выбору, даже если это бесполезно. Поэтому религиозный акт, направленный на интерес — здоровье, средства к существованию, детей — вещь неправильная, и уход с «территорий» по мирному соглашению — это неправильно, но должно быть сделано, ибо «так надо». Но большинству людей это трудно принять. Это было трудно при жизни Лейбовича и еще труднее сейчас, когда все смешалось, и никто не разделяет ценности и интересы».

Правда в том, что разрыв, о котором говорит Офран, обнаруживается и между ним и его дедом. Илай изучал психологию и, среди прочего, является практикующим клиническим психологом. Его дед презирал саму специальность «психология», посвященную объяснению поведения людей не по ценностным, а «интересантским» причинам. Офран: «Психология, которую он знал и презирал, идет от Фрейда, считавшего ценности чушью, которую мы самим себе рассказываем и, в конце концов, если вы будете копать глубже, то обнаружите, что все было разработано для удовлетворения интересов».

Легитимизация экстремистов

Профессор Исраэль Эльдад — постоянный оппонент Лейбовича в интеллектуальных баталиях, упрекал его в том, что «никто не стал накладывать тфиллин под влиянием Лейбовича, поскольку невозможно ассоциироваться с такой холодной, «технической» религиозной концепцией». Конечно, эта концепция не соответствует современной — «нео-хасидской» — религиозности, заикнувшейся на поиске «религиозной эмоции» и того, с чем человек «соединяется».

Противопоставление Лейбовичем религии и морали еще более проблематично. С одной стороны, он был крайним моралистом, требовавшим ухода с «территорий» по моральным соображениям. Но этот аргумент он развил с общефилософской точки зрения. Как еврейский богослов, Лейбович утверждал, что религиозные обязательства должны перевешивать любые моральные обязательства. Некоторые утверждают, что при всей ненависти Лейбовича к правому движению «Гуш-Эмуним» и крайне религиозным правым в целом, его концепция фактически узаконивает любой фундаменталистский акт, совершаемый по религиозным причинам. Профессор Пинхас Шиффман даже утверждал, что с этой точки зрения модель Лейбовича узаконила Баруха Гольдштейна (убившего 29 арабов в Пещере Патриархов в Хевроне), людей, планировавших взрыв мечети Купол Скалы, а также убийц из ХАМАС и ИГИЛ.

Поселенцы «Гуш-Эмуним». Фото: haaretz.com

Офран: «Это больше всего беспокоит меня в наследии деда. Как ни парадоксально, эта позиция как раз и является тем, что, по-видимому, узаконивает всех религиозных экстремистов, евреев и неевреев, которые совершают все ужасные поступки и которых презирал дед».

Саги говорит, что эта моральная позиция не только абсурдная, но и антиеврейская. Любой, кто хотя бы немного разбирается в еврейских источниках, знает, что «природная мораль» («дерех эрец») предшествует Галахе и Торе. Человек в первую очередь привержен естественной морали, и заповеди Галахи — это только дополнение к естественной морали».

Религиозное мировоззрение Лейбовича фактически обрело импульс, вернувшись к требованиям радикальных галахических изменений в связи с переходом к суверенитету еврейского народа на еврейской земле. Но, возможно, из-за того, что Лейбович-«политик» стал парией, даже поддерживающие эту концепцию игнорируют Лейбовича, хотя он был одним из ее пионеров.

Офран: «Я встречаю раввинов, которые прямо говорят: твой дед был прав. Недавно это сказал мне раввин, занимающий одну из самых высоких раввинских должностей в госсекторе. Он пригласил меня в свой кабинет и сказал, что «только теперь, с позиции, на которой я нахожусь, я понимаю, насколько невозможно решить глубинные проблемы с помощью традиционного метода, и требуется фундаментальное изменение подхода, как и предсказывал твой дед». Однако дед не понимал, что религиозное общество не может это явно признать. В конце концов, все «государственные галахот», разработанные раввином Гореном и многими другими, фактически идут в том же направлении. Они расширяют до абсурда такие термины, как «пикуах нефеш» («спасение жизни») и другие, для достижения желаемого результата, который позволяет государственным системам работать в субботу. Однако они поняли, что мир Галахи не может принять явную ересь, идущую вразрез с положениями Шулхан арух, но только фактические отклонения от него, в качестве исключения».

Он не поддавался эмоциям

Что побудило Лейбовича сформулировать свою позицию разрыва между религией с одной стороны, и моралью и жизнью в целом, с другой? Как уже упоминалось, он относился к идеологиям как к чему-то чистому и не пытался объяснить их с помощью психологии. Но Саги, тем не менее, пытается объяснить: «Прежде всего, нужно сказать, что он получил очень строгое воспитание, глубокий фундамент чувства долга, который не принимает подчинение чувствам. Помимо этого, мне кажется, это связано с той огромной ролью, которая для него играла религия. Он действительно верил всей душой. И я думаю, что он сознательно стремился кастрировать свой (и других) религиозный эрос — из-за боязни потерять контроль. В некотором смысле, это напоминает современника Лейбовича, Гершома Шолема, который был резким его противником, который также имел сильную религиозную страсть, и из чувства угрозы он направил ее в интеллектуальный мир исследования Каббалы».

Гершом Шолем, 1925

Йешаяху Лейбович в молодые годы

Я спрашиваю Оффана, если бы он сегодня встретился со своим дедом, что бы он сказал ему? Он отвечает: «Что он не понимает людей. Невозможно создать столь резкую и окончательную дихотомию между идеями и потребностями людей. В реальности то, что движет людьми — это таинственное сочетание идеологии, психологии и социологии, а не просто реализация «чистых» ценностей».

Откровенные провокации дедушки Офран не приписывает непониманию человеческой души. «Именно это говорит, что он прекрасно понимает человеческую душу. Он очень хорошо знал, что провокация — лучшее средство привлечения внимания. С другой стороны, произнося «иудеонацисты», вы привлекаете внимание, но отторгаете аудиторию. Но убедить публику в своих взглядах никогда не было его целью. Он искал возможности сказать правду. Он воспринимал себя не как политика, который должен на что-то повлиять, но как пророка — в смысле приверженности истине, а не каким-либо интересам. В нем было что-то глубоко индивидуальное и глубоко оппозиционное».

В молодости Лейбович был одним из ведущих членов Союза религиозных пионеров («Брит халуцим датиим»), состоящего из молодых евреев, уроженцев Германии, которых готовили к жизни в кибуцах. Они были фактическими основателями движения А-Кибуц а-дати. Даже когда члены группы иммигрировали в Израиль и были рассеяны в религиозных кибуцах, в течение многих лет он все еще считался ее главным идеологом. В 1950-х годах он провел много субботних мероприятий в качестве лектора в религиозных кибуцах. Но потом он отошел от своих лучших друзей, как в концептуальной, так и в личной сфере.

Профессор Акива Эрнест Симон, современник Лейбовича, однажды говорил о трагедии своей жизни, когда «с людьми, с которыми я молюсь, я не могу разговаривать (поскольку они не терпят его пацифистские взгляды — прим. автора), а с людьми, с которыми я разговариваю, я не могу вместе молиться». Подобная и, возможно, даже более серьезная трагедия постигла и Лейбовича. Религиозное сообщество, где он был выдающимся мыслителем и активистом, принимало его, пока он рассуждал о «государстве Галахи», но отвернулось от него, когда он заговорил о «Дискотеле» и «иудеонацистах».

С другой стороны, со светскими левыми, для которых Лейбович был звездой, поскольку не стеснялся выступать против оккупации и даже призывал к отказу от службы на «территориях», он не только не мог молиться, но и обсуждать свои религиозные взгляды. Попытавшись исправиться, он, вероятно, стал бы меньшей «звездой», чем был. Его взгляды на абсолютное превосходство религиозного закона над моральными ценностями не могли быть приняты его светскими сторонниками, и для большинства он остался, по большому счету, парией.

Яир Шелег, «Макор ришон»